

Кен
КИЗИ
(1935 - 2001)

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Кен
КИЗИ

*Над кукушкиным
гнездом*

Роман

Москва

ЭКСМО

2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 38

Ken Kesey

ONE FLEW OVER THE CUCKOO'S NEST

Перевод с английского *В. Гольшева*

Оформление серии *Е. Соколовой*

Кизи К.

К 38 Над кукушкиным гнездом : роман / Кен Кизи ; [пер. с англ. В. Гольшева]. — М. : Эксмо, 2015. — 416 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-36317-9

Кен Кизи написал свой первый роман — «Над кукушкиным гнездом» — под влиянием психоделических опытов в 1962 году. Эта книга пользуется бешеным успехом во всем мире по сей день и стала программным тестом поколения 1960-х. В 1975 году роман был экранизирован Милошем Форманом с Джеком Николсоном в главной роли; Кизи остался недоволен экранизацией, в которой психоделика уступила место реализму, а главный герой Вождь Швабра — более понятному бунтарю Рэндлу Макмёрфи. Публика и коллеги, однако, высоко оценили работу Формана, и картина получила в общей сложности восемь «Оскаров».

«Кизи сумел не просто нырнуть в собственный кровоток, словно бы заглянув внутрь своих же глаз, но и вновь проник в сферы, где обитают Другие, братья и сестры, к которым несет воды поток новообретенной ответственности — к ним и к миру в целом. Никогда раньше ответственность не достигалась через наслаждение».

Артур Миллер

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

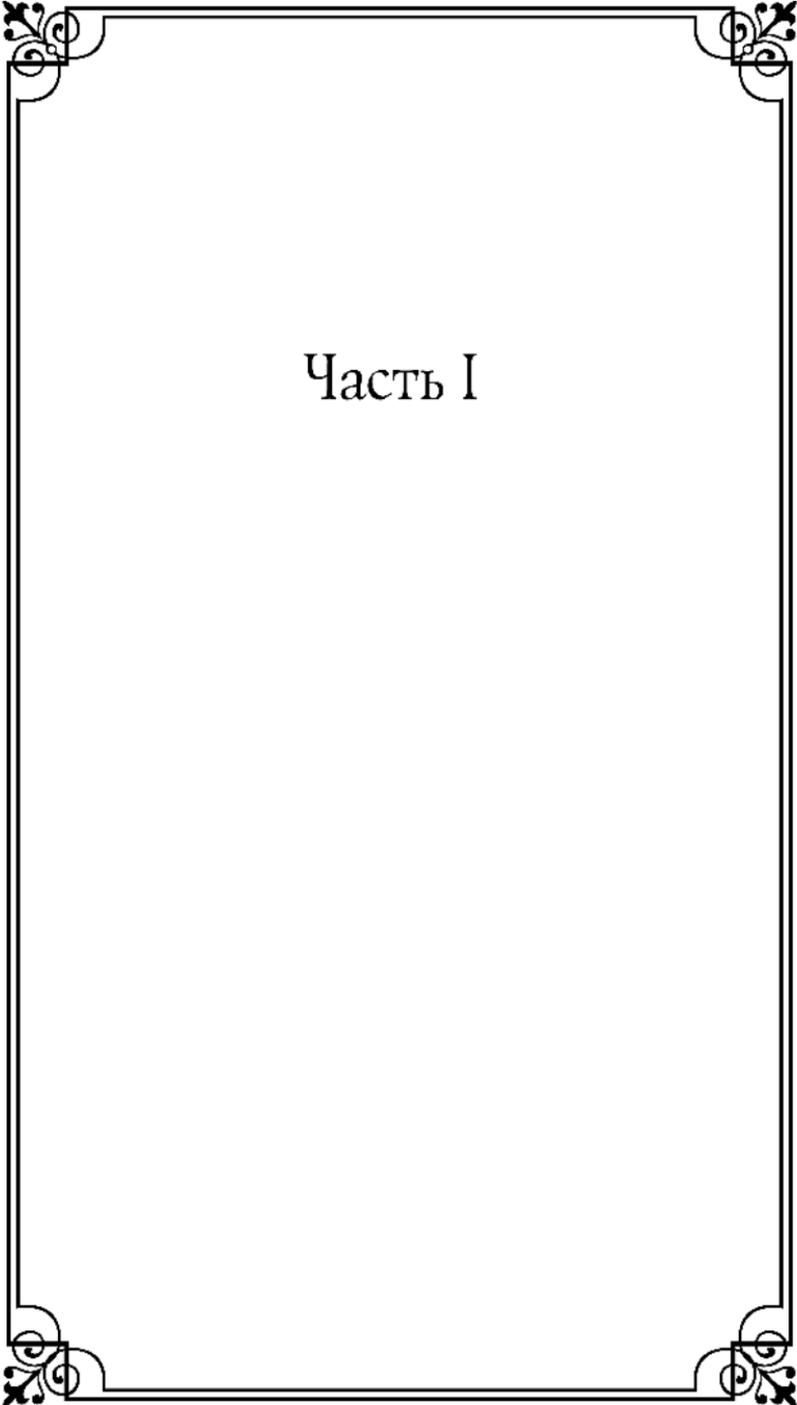
One Flew Over the Cuckoo's Nest
© 1962 by Ken Kesey. All rights reserved
including the right of reproduction
in whole or in part in any form.
This edition published by arrangement
with Viking Penguin, a member
of Penguin Group (USA) Inc.
© Перевод. В. Гольшев, 2011
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-36317-9

*Викю Ловеллу,
который сказал мне,
что драконов не бывает,
а потом привел в их логово.*

*...Кто из дому, кто в дом,
кто над кукушкиным гнездом.*

Ситалка

Часть I

ни там.

Черные в белых костюмах, встали раньше меня, справят половую нужду в коридоре и подотрут, пока я их не накрыл.

Подтирают, когда я выхожу из спальни: трое, угрюмы, злы на все — на утро, на этот дом, на тех, при ком работают. Когда злы, на глаза им не попадайся. Пробираюсь по стеночке в парусиновых туфлях, тихо, как мышь, но их специальная аппаратура засекает мой страх: поднимают головы, все трое разом, глаза горят на черных лицах, как лампы в старом приемнике.

— Вон он, вождь. Главный вождь, ребята. Вождь Швабра. Поди-ка, вождек.

Суют мне тряпку, показывают, где сегодня мыть, и я иду. Один огрел меня сзади по ногам щеткой: шевелись.

— Вишь, забегал. Такой длинный, яблоко у меня с головы зубами может взять, а слушается, как ребенок.

Смеются, потом слышу, шепчутся у меня за спиной, головы составили. Гудят черные машины, гудят ненавистью, смертью, другими больничными секрета-

ми. Когда я рядом, все равно не побеспокоятся говорить потише о своих злых секретах — думают, я глухо-немой. И все так думают. Хоть тут хватило хитрости их обмануть. Если чем помогала мне в этой грязной жизни половина индейской крови, то помогала быть хитрым, все годы помогала.

Мою пол перед дверью отделения, снаружи вставляют ключ, и я понимаю, что это старшая сестра: мягко, быстро, послушно поддается ключу замок; давно она орудует этими ключами. С волной холодного воздуха она проскальзывает в коридор, запирает за собой, и я вижу, как проезжают напоследок ее пальцы по шлифованной стали — ногти того же цвета, что губы. Оранжевые прямо. Как жало паяльника. Горячий цвет или холодный, даже не поймешь, когда они тебя трогают.

У нее плетеная сумка вроде тех, какими торгует у горячего августовского шоссе племя ампкава, — формой похожа на ящик для инструментов, с пеньковой ручкой. Сколько лет я здесь, столько у нее эта сумка. Плетение редкое, я вижу, что внутри: ни помады, ни пудреницы, никакого женского барахла, только колесики, шестерни, зубчатки, отполированные до блеска, крохотные пилули белеют, будто фарфоровые, иголки, пинцеты, часовые щипчики, мотки медной проволоки.

Проходит мимо меня, кивает. Я утаскиваюсь следом за шваброй к стене, улыбаюсь и, чтобы понадежней обмануть ее аппаратуру, прячу глаза — когда глаза закрыты, в тебе труднее разобраться.

В потемках она идет мимо меня, слышу, как сту-

чат ее резиновые каблуки по плитке и брякает в сумке добро при каждом шаге. Шагает деревянно. Когда открываю глаза, она уже в глубине коридора заворачивает в стеклянный сестринский пост — просидит там весь день за столом, восемь часов будет глядеть через окно и записывать, что творится в дневной палате. Лицо у нее спокойное и довольное перед этим делом.

И вдруг... Она заметила черных санитаров. Они все еще рядышком, шепчутся. Не слышали, как она вошла в отделение. Теперь почувствовали ее злой взгляд, но поздно. Хватило ума собраться и лясы точить перед самым ее приходом. Их лица отскакивают в разные стороны, смущенные. Она, пригнувшись, двинула на них — они попались в конце коридора. Она знает, про что они толковали, и, видно, себя не помнит от ярости. В клочья разорвет черных паразитов, до того разъярилась. Она раздувается, раздувается — белая форма вот-вот лопнет на спине — и выдвигает руки так, что может обхватить всю троицу раз пять-шесть. Оглядывается, крутанув громадной головой. Никого не видать, только вечный Швабра Бромден, индеец-полукровка, прячется за своей шваброй и не может позвать на помощь, потому что немой. И она дает себе волю: накрашенная улыбка искривилась, превратилась в оскал, а сама она раздувается все больше, больше, она уже размером с трактор, такая большая, что слышу запах механизмов у нее внутри — вроде того, как пахнет мотор при перегрузке. Затаив дыхание, думаю: ну все, на этот раз они не останутся. На этот раз они нагонят нена-

висть до такого напряжения, что опомниться не успеют — разорвут друг друга в клочья!

Но только она начала сгребать этими раздвижными руками черных санитаров, а они потрошить ей брюхо ручками швабр, как из спален выходят больные посмотреть, что там за базар, и она принимает прежний вид, чтобы не увидели ее в натуральном жутком обличе. Пока больные протерли глаза, пока кое-как разглядели спросонок, из-за чего шум, перед ними опять всего лишь старшая сестра, как всегда спокойная, сдержанная, и с улыбкой говорит санитарам, что не стоит собираться кучкой и болтать, ведь сегодня понедельник, первое утро рабочей недели, столько дел...

— ...понимаете, понедельник, утро...

— Да, мисс Гнусен...

— ...а у нас столько назначений на это утро... так что если у вас нет особой надобности стоять здесь вместе и беседовать...

— Да, мисс Гнусен...

Замолкла, кивнула больным, которые собрались вокруг и смотрят красными, опухшими со сна глазами. Кивнула каждому в отдельности. Четким, автоматическим движением. Лицо у нее гладкое, выверенное, точной выработки, как у дорогой куклы, — кожа будто эмаль телесного цвета, бело-кремовая, ясные голубые глаза, короткий носик с маленькими розовыми ноздрями, все в лад, кроме цвета губ и ногтей да еще размера груди. Где-то ошиблись при сборке, поставили такие большие женские груди на совершенное во всем остальном устройство, и видно, как она этим огорчена.

Больные еще стоят, хотят узнать, из-за чего она напала на санитаров; тогда она вспоминает, что видела меня, и говорит:

— Поскольку сегодня понедельник, давайте-ка для разгона раньше всего побреем бедного мистера Бромдена и тем, может быть, избежим обычных... э-э... беспорядков — ведь после завтрака в комнате для бритья у нас будет столпотворение.

Пока они оборачиваются ко мне, я ныряю обратно в чулан для тряпок, захлопываю дочерна дверь, перестаю дышать. Хуже нет, когда тебя бреют до завтрака. Если успел пожевать, ты не такой слабый и не такой сонный, и этим гадам, которые работают в Комбинате, сложно подобраться к тебе с какой-нибудь из своих машинок. Но если до завтрака бреют — а она такое устраивала, — в половине седьмого, в комнате с белыми стенами и белыми раковинами, с длинными люминесцентными трубками в потолке, чтобы теней не было, и лица всюду вокруг тебя кричат, запертые за зеркалами, — что ты тогда можешь против ихней машинки?

Схоронился в чулане для тряпок, слушаю, сердце стучит в темноте, и стараюсь не испугаться, стараюсь отогнать мысли подальше отсюда, подумать и вспомнить что-нибудь про наш поселок и большую реку Колумбию, вспоминаю, как в тот раз, ох, мы с папой охотились на птиц в кедровнике под Даллзом... Но всякий раз, когда стараюсь загнать мысли в прошлое, укрыться там, близкий страх все равно просачивается сквозь воспоминания. Чувствую, что идет по коридору маленький черный санитар, принохиваясь к